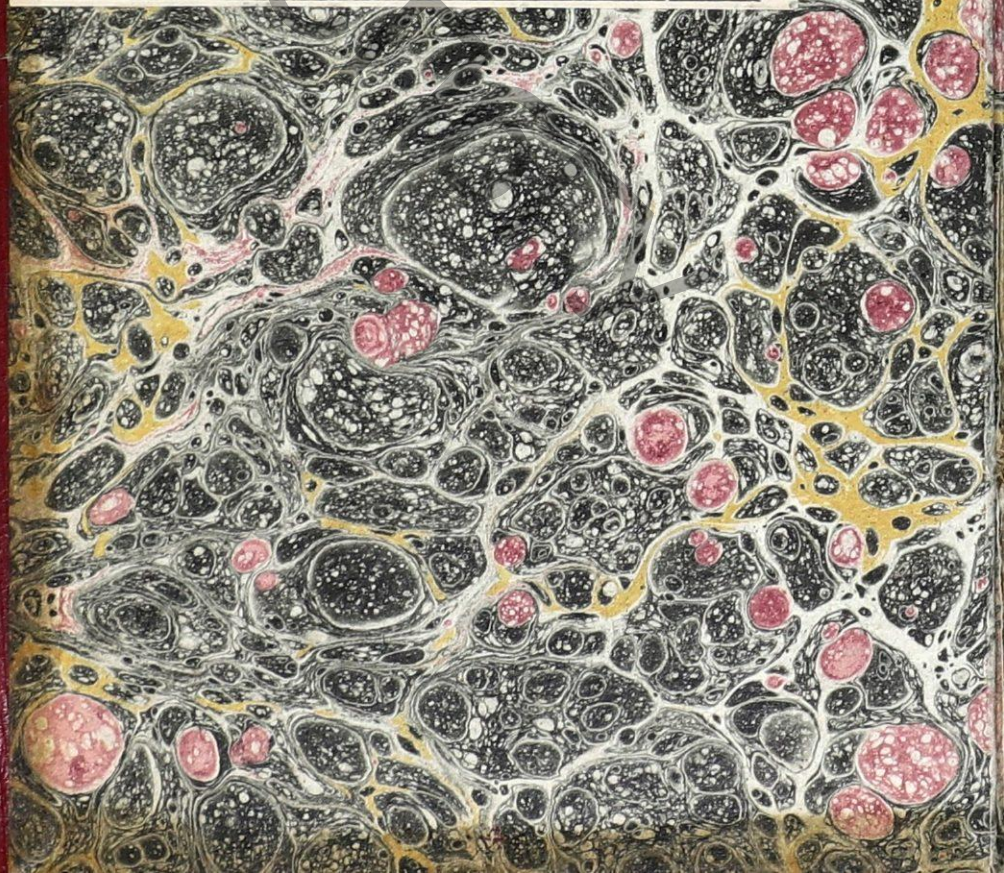
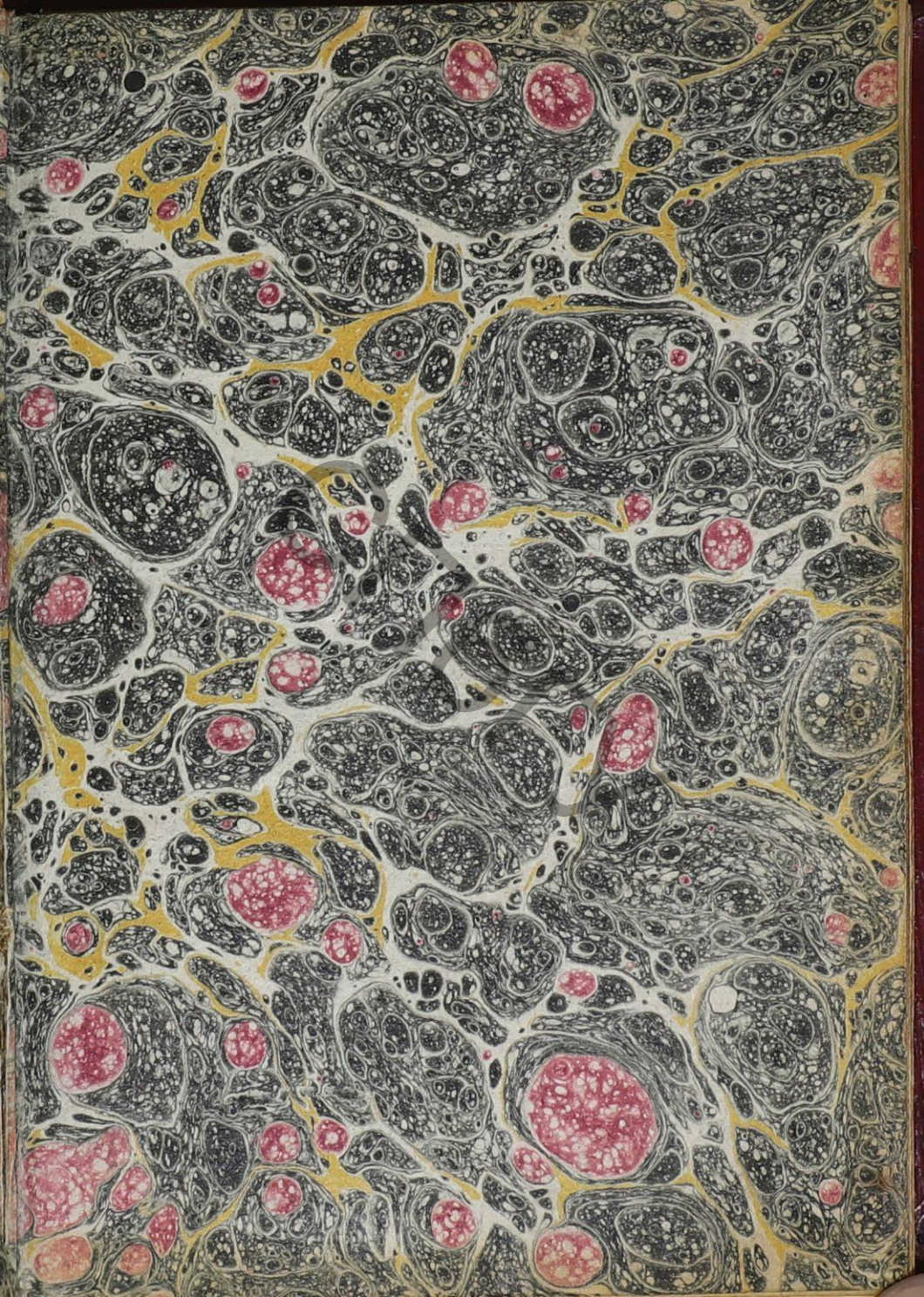

801.4413

ИЗЪ КНИГЪ
Н. Н. СТРАХОВА.

8 I 4413

К 1916 С П 16 Г

Вотъ Вить, Димидъ, Фонтанъ Сан-
кигарайскій,
Парнасса Вулканъ, Фонтанъ прелестной,
Райскій!
Я помню и любви Новои цветы,
Любви и южная да въ восточной кра-
соты,
Любви и въ фартъ манитъ, и въ оне
пелубовъ,
И въ ступайнъ, и въ станъ и въ дру-
воинствъ,
Ванъ ступайнъ въ въ течи, и въ
ной и пучкой,
Фонтанъ радуютъ миренная красотой,
Манъ будите и въ въ сводъ пель-
ветъ тобою
Манъ поместниковъ, Ванъ предан-
нвалъ душою,

И будутъ какъ пердѣла любовию горитъ,
И вора туркитивъ восторгоше пиа
ментъ.

Монахъ докучившая стеловѣ
хотъ не хитойте,
Но шородна мелев въ кучебима вно.
минейте.

O' Quel grande verité,
Coeur, le peut l'abbé.

Dr. A.

Симонъ Мило.

25th June

1824.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.

71917

ЭТ 4413.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Многіе, шакже какъ и я, посѣщали
сей Фонтанъ; но иныхъ уже нѣшь,
другіе спранствуюшь далече.

Сади.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургич. Академіи.

1824.

Иен. 100. 517
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

Переводъ
1950

16505.

Печаташь дозволяется съ шѣмъ , чшобы по
напечатаніи, до выпуска въ публику пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ:
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсур-
наго Комитета , другой для Департамен-
та Министерства Духовныхъ дѣлъ и На-
роднаго Просвѣщенія , два экземпляра для
ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библиотеки
и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Декабря 10 дня 1823 года. Книгу
сію разсматриваль Ординарній Профес-
соръ , Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

АЛЕКСѢЙ МЕРЗЛЯКОВЪ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ ИЗДАТЕЛЕМЪ И КЛАССИКОМЪ СЪ ВЫБОРГСКОЙ
СТОРОНЫ, ИЛИ СЪ ВАСИЛЬЕВСКАГО ОСТРОВА.

Кл. Правда ли, что молодой Пушкинъ печатаетъ новую, прелесть Поэму, по есць, поэму по романпическому значенію, а по нашему, незнаю какъ и назвашь.

Изд. Да, онъ прислалъ *Бахчисарайской фонтанъ*, которой здѣсь теперь и печатается.

Кл. Нельзя не пожалѣть, что онъ много пишетъ; скоро выпишется.

Изд. Пророчества оправдываются событіемъ; для повѣрки нужно время;

а между тѣмъ замѣчу, что если онъ пишетъ много въ сравненіи съ нашими поэтами, которые почти ничего не пишутъ; но пишетъ мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими сослуживцами. Байронъ, Вальперъ Скоппъ и еще нѣкоторые неупомимо пишутъ, и читающа не упомимо.

Кл. Выставя эпихъ двухъ Брипанцевъ, вы думаете зажать ротъ критикѣ и возраженіямъ! Напрасно! Мы свойства неробкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по приспращію къ нему суевѣрной черни читателей. Своеправная, она часто оставляетъ безъ вниманія писателей достойнѣйшихъ.

Изд. Не съ достойнѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Кл. Эпиграмма — не сужденіе. Дѣло

въ помѣ , что пора испинной , классической липперапуры у насъ миновалась . . .

Изд. А я такъ думаль , что еще не наспала . . .

Кл. Что нынѣ завелась какая-то школа новая , никѣмъ не признанная , кромѣ себя самой ; не слѣдующая никакимъ правиламъ , кромѣ своей прихоти , искажающая языкъ Ломоносова , пишущая на обумъ , щеголяющая новыми выраженіями , новыми словами . . .

Изд. Взяпыми изъ Словаря Россійской Академіи , и коимъ новые поэпы возврапили въ языкѣ нашемъ право гражданства , похищенное , не знаю , за какое преспупление и безъ суда ; ибо до сей поры мы руководспвуемся болѣе упопробленіемъ , кошорое свергнуто бышь можеть упопробленіемъ новымъ .

Законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе ; и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэповъ нашихъ Китайской неподвижности? Смотрише на природу! лица человѣческія, соспавленные изъ однѣхъ и пѣхъ же частей, вылипы не всѣ въ одну фізіогномію, а выраженіе естъ фізіогномія словъ.

Кл. За чѣмъ же по крайней мѣрѣ давашь Рускимъ словамъ фізіогномію Нѣмецкую? Чпо значишь у насъ эпошь духъ, эпи формы Германскія? Кпо ихъ ввелъ?

Изд. Ломоносовъ!

Кл. Вопшь эпо забавно!

Изд. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ спихосложеніи своемъ съемки съ формъ Германскихъ? Развѣ не подражалъ онъ современнымъ

Нѣмцамъ ? Скажу болѣе. Возмите при знаменитыя эпохи въ исторіи нашей литературы, вы въ каждой найдете оппечатокъ Германской. Эпоха преобразования, сдѣланная Ломоносовымъ въ Рускомъ стихотворствѣ; эпоха преобразования въ Руской прозѣ, сдѣланная Карамзинымъ; нынѣшнее волненіе, волненіе романтическое и пропиву-законное, если такъ хотите назвать его, не явно ли показываютъ господствующую склонность литературы нашей ! И такъ наши поэты современники слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинперу и нѣкоторымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гете и Шиллеру. Да и у насъ ли однихъ Германскія Музы распростираютъ свое владычество ? Смотрише

и во Франціи, — въ государствѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи, едва не оправдало честолюбиваго мечпанія о *Всемирной державѣ*, и во Франціи, сіи хищницы приемятъ уже и въ то самое господство, и выпѣсняютъ мѣстныя, наследственныя Власши. Поэты, современники наши, не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ Русскаго покрова въ литературѣ; можемъ быть и не будемъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, шакъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы сидѣли выспавишь за классическую. Что есть народнаго въ Песняхъ и Россіадѣ, кромѣ имени? К.л. Что такое народность въ сло-

весности? Этой фигуры нѣтъ ни въ Пипикѣ Ариспопеля, ни въ Пипикѣ Горація.

Изд. Нѣтъ ея у Горація въ Пипикѣ, но естъ она въ его пвореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувспавахъ. Оппечапокъ народности, мѣспности: вопъ чпо соспавляесть, можесть бысть, главное сущеспвеннѣйшее достоинспво Древнихъ, и ушверждаесть ихъ право на вниманіе попомспва. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Испоріи своей указаль на Капулла въ числѣ испочниковъ, и упомянулъ о немъ въ харакпериспикѣ того времени.

Кл. Ужь вы, кажепся, хопише въ свою вольницу Романпиковъ завербовапъ и древнихъ классиковъ. Того смопри, чпо и Гомеръ и Виргилій были Романпики.

• Quellen der Geschichte der Römer.

Изд. Назовите ихъ , какъ хопите ; но нѣтъ сомнѣнїя , что Гомеръ , Гораций , Эсхиль имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношенїй съ главами Романтической школы , чѣмъ съ своими холодными , рабскими послѣдователями , кои слягнся бытъ Греками и Римлянами заднимъ числомъ . Не уже ли Гомеръ сотворилъ Иліаду , предугадывая Аристошеля и Лонгина , и въ угожденїе какой-то классической совѣсти , еще тогда не вымышленной ? Да и позволите спросить у себя и у спарѣйшинъ вашихъ , опредѣлено ли въ почности , что такое *Романтической родъ* , и какія имѣетъ онъ отношенїя и прошивуположности съ *классическимъ* ? Признаюсь , по крайней мѣрѣ за себя , что еще не случилось мнѣ описывать ни въ книгахъ , ни

въ умѣ своемъ , сколько о томъ ни читала , сколько о томъ ни думала , полного , мапемапического , удовлетворительнаго рѣшенія эпои задачи. Многие вѣруютъ въ классической родъ потому , что такъ имъ вѣрно ; многие не признаютъ Романпического рода потому , что онъ не имѣетъ еще законодательей , обязавшихъ въ вѣрности безусловной и непрекословной. На романпизмъ смотрятъ , какъ на анархию своевольную , разрушительницу постановленийъ , освященныхъ древностию и суевѣремъ. Шлегель и I жа. Спаль не облечены въ лапы свинцоваго педанпсшва , опъ нихъ не несетъ схолаптической важностию , и правила ихъ для вѣкопорыхъ людей не имѣютъ вѣса , потому что не налагаютъ съ важностию ; не всѣ изъ насъ поддаются заман-

чивости, увлеченію, многіе только что порабощаются господству. *Стадо поработителей*, о коихъ говоритъ Гораций, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуетъ на умы многихъ учениковъ? Хорошая указка, съ которой учили по пальцамъ вбиваютъ умъ въ своихъ слушателей. Чѣмъ паспырь гонитъ свое стадо по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любятъ рабство.

Кл. Вы такъ много мнѣ здѣсь наговорили, что я не успѣлъ къ спанію сдѣлать оппоръ вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: Доказательствомъ, что въ Романтической лирической нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣетъ смысла определеннаго, утвержденаго общимъ условіемъ. Вы сами признались

въ томъ! весь свѣтъ знаетъ, что такое классическая лирическая поэзия, чего она требуетъ. . .

Изд. Потому что условились въ опредѣленіи, а для романтической лирической поэзии еще не было времени условились. Начало ея въ природѣ; она есть; она въ обращеніи, но не спустилась еще въ руки анакреонтовъ. Дайте срокъ! придетъ часъ, переспоемъ и на ея воздушную одежду положимъ свое свинцовое клеймо. Въ копиромъ нибудь спользуютъ Байронъ, Томасъ Муръ, какъ нынѣ Анакреонъ или Овидій попадутся подъ рубецъ испашпелей, и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи попускаютъ опъ кабинетной пыли, и закопчавшись опъ лампаднаго нада комменшпоровъ, антикваріевъ, схоластиковъ; прибавимъ, если поль-

ко въ будущихъ столѣтіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, гложутъ и жуютъ мертвыхъ, не забывая припомъ кусать и живыхъ...

Кл. Позвольте, между шѣмъ, замѣтите вамъ мимоходомъ, что ваши опиступленія совершенно романпическія. — Мы начали говорить о Пушкинѣ, опъ него кинуло насъ въ древность, а теперь забѣжали вы и въ будущія столѣтія.

Изд. Виновать! я и забылъ, что для вашего брата классика такіе походы не въ силу. Вы держитесь единспва времени и мѣста. У васъ умъ домосѣдъ. Извините — я оспепенюсь; чего вы опъ меня желаете?

Кл. Я желалъ бы знать о содержаніи такъ называемой поэмы Пушкина. При-

знаюся , изъ заглавія не понимаю , что пишу можетъ быть годнаго для поэмы. Понимаю , что можно написать къ *фонтану* спансы , даже оду . . .

Изд. Да , иѣмъ болѣе , что у Горация уже есть *Бландузскій ключь*.

Кл. Впрочемъ мы романпиками приучены къ нечаянноспямъ. Заглавіе у нихъ эласпического свойства : споймишь только захопѣшь и оно обхватишь все видимое и невидимое ; или общаешь одно , а исполнишь совершенно другое. Но расскажите мнѣ . . .

Изд. Преданіе , извѣстное въ Крыму и понынѣ , служишь основаніемъ поэмы. Рассказываютъ , что Ханъ Керимъ Гирей похитилъ красавицу Попоцкую , и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ ; полагаютъ даже , что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею. Преданіе сіе сомни-

пельно и Г. Муравьевъ-Апостоль въ путешествіи своемъ по Тавридѣ, не давно изданномъ, восплаещь, и кажется довольно основательно, пропивъ вѣроянія сего разсказа. Какъ бы то ни было, — сіе преданіе естъ достоианіе поэзіи.

Кл. Такъ! въ наше время обрапили Музь въ разскащиць всякихъ небылицъ! Гдѣ же достоинство поэзіи, если пи-пасть ее однѣми сказками?

Изд. Испорія не должна бытъ легко-вѣрна; поэзія напропивъ. Она часпо дорожитъ шѣмъ, что первая опвергаещь съ презрѣніемъ, и нашъ поэпъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе, и обогативъ его правдоподобными вымыслами; а еще и того лучше, что онъ воспользовался шѣмъ и другимъ съ опличнымъ

искусствомъ. Цвѣтъ мѣслности со-
храненъ въ повѣспованіи со всею воз-
можною свѣжеспью и яркеспью. Еспь
оппечапокъ Воспочный въ карпинахъ,
въ самыхъ чувспвахъ, въ слогѣ. По
мнѣнію судей, коихъ приговоръ мо-
жеть считаться окончательнымъ въ
словесности нашей, поэспъ явилъ въ
новомъ произведеніи признакъ дарова-
нія зрѣющаго болѣе и болѣе.

Кл. Кто эти судіи? мы другихъ не
признаемъ, кромѣ *Вѣстника Европы*
и *Благонамѣреннаго*; и по попому,
что пишемъ съ ними за одно. Дождемъ-
ся, что они скажутъ!

Изд. Ждите съ Богомъ! а я пока
скажу, что разсказъ у Пушкина живъ и
занимателенъ. Въ произведеніи его дви-
женія много. Въ раму довольно пѣсную
вложилъ онъ дѣйствіе полное, не опъ

множества лицъ и сдѣлленія различныхъ приключеній, но опъ искусства, съ какимъ поэтъ умѣлъ высказать и описать главные лица своего повѣствованія! *Дѣйствіе* зависить, шакъ сказать, опъ *дѣятельности* дарованія: слогъ придаетъ ему крылья или гириами замедляетъ ходъ его. Въ поврениі Пушкина участіе чипапеля поддерживается съ начала до конца. — До эпшой шайны иначе достигнуть нельзя, какъ заманчивостью слога.

Кл. Со всѣмъ шѣмъ я увѣренъ, что, по обыкновенію романтическому, все это дѣйствіе шолько слегка обозначено. Чипапель въ подобныхъ случаяхъ долженъ бытъ подмастерьемъ авпора и за него досказывать. Легкіе намеки, шуманныя загадки: вопъ маперіалы, изгшповленные романтическимъ

Поэпомъ , а шамъ чипапелъ дѣлай изъ нихъ, чпо хочешъ. Романпической зодчій оспавляешъ на произволь каждому распоряженіе и успройство зданія — сущаго воздушнаго замка , не имѣющаго ни плана , ни основанія.

Изд. Вамъ не довольно того , чпо вы передъ собою видите зданіе красивое : вы пребуеше еще , чпобъ видѣнь былъ и осповъ его. Въ изящныхъ пвореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго ; чпо за охота видѣшь производство ? Твореніе искусва — обманъ. Чѣмъ менѣе выказывается прозаическая связь въ часпяхъ , пѣмъ болѣе выгоды въ опношеніи къ цѣлому. Часпья мѣспоименія въ рѣчи замедляютъ ея печеніе , охлаждають расказъ. Еспь въ изобрѣшеніи и въ вымыслѣ пакже свои мѣстоименія , опъ коихъ дарованіе спараш-

ся опдѣлываешь удачными эллипсами. За чѣмъ все высказываешь, и на все напираешь, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и оспраго? а о людяхъ понятія лѣниваго, шупаго и думаешь нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ чипапелѣ, который никакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Кавказскомъ Пльбникѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Спруисшый исчезаетъ кругъ.

Онъ пѣнялъ Поэшу, за чѣмъ пошь не облегчилъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и утонула. Оспавимъ прозу для прозы! И пакъ довольно ея въ жишейскомъ бышу и въ стихопвореніяхъ, печашаемыхъ въ Вѣспникѣ Европы.

Р. С. Тупъ Классикъ мой оставилъ меня съ поропливостію и гнѣвомъ , и мнѣ вздумалось положить на бумагу разговоръ, происходившій между нами. Перечисывая его , мнѣ впало въ умъ , что могутъ подозрѣвать меня въ лукавствѣ ; скажутъ : «Издапель нарочно ослабилъ возраженія своего пропивника, и съ умысломъ утаилъ все , что могло вырваться у него дѣльнаго на зашипу своего мнѣнія!» — Передъ недовѣрчивостію оправдываться напрасно ! но пускай обвинители мои примутъ на себя трудъ перечисать все , что въ нѣкопорыхъ изъ журналовъ нашихъ было сказано и пересказано на счетъ романтическихъ опытовъ , — и вообще на счетъ новаго поколѣнія Поэзіи нашей : если изъ всего того выключить грубыя личности и пошлыя насмѣшки ,

по безъ сомнѣнія каждый легко увѣ-
рился, что мой собесѣдникъ подъ пару
своимъ журнальнымъ клевершамъ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ

ФОНТАНЪ,

Гирей сидѣлъ пошуща взоръ ;
Яншарь въ устахъ его дымился ;
Безмолвно раболѣпный Дворъ
Вкругъ Хана грознаго шѣсился.
Все было шихо во дворцѣ,
Благоговѣя, всѣ чинали
Примѣшны гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелишель горделивой

Махнулъ рукойъ нешерпѣливой
И всѣ, склонившись, идушь вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ ;
Свободнѣй грудь его вздыхаешь ,
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаешь :
Такъ бурны пучи отражаешь
Залива зыбкое стекло.

Что движешь гордою душою ?
Какою мыслью заняшь онъ ?
На Русь ли вновь идешь войною ,
Несешь ли Польшѣ свой законъ ,
Горишь ли мещию кровавой ,
Ошкрылъ ли въ войскѣ заговоръ ,
Спрашишься ли народовъ горь ,
Иль козней Генуи лукавой ?

Нѣшь , онъ скучаетъ бранной славой ;
 Успала грозная рука ;
 Война ошь мыслей далека.

Ужель въ его Гаремъ измѣна
 Спезей преступною вошла ,
 И дочь неволи , нѣтъ и плѣна
 Глауру сердце ошдала ?

Нѣшь , жены робкія Гирея
 Ни думашь , ни желашь не смѣя,
 Цвѣшущъ въ унылой пишинѣ ;
 Подъ спражей бдишельной и хладной
 На лонѣ скуки безотрадной
 Измѣнь не вѣдаюшь онѣ.
 Въ плѣни хранишельной шемницы
 Ушаены ихъ красоты :
 Такъ Аравійскіе цвѣшы

Живушь за спеклами шеплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣша проходяшь
И непримѣнно за собой
И младость и любовь уводяшь.
Однообразень каждый день
И медленно часовъ печенье.
Въ Гаремѣ жизнью правишь лѣнь;
Мелькаешь рѣдко наслаждение;
Младья жены, какъ вѣбудь
Желая сердце обманушь,
Мѣняюшь пышные уборы,
Заводяшь игры, разговоры;
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными спруями
Въ прохладѣ яворовъ гуспыхъ
Гуляюшь легкими роями.
Межъ ними ходишь злой эвнухъ

И убѣгать его напрасно :
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуешь всечасно.
 Его стараньемъ заведень
 Порядокъ вѣчный. Воля Хана
 Ему единственнѣй законъ ;
 И *самыя главы* Корана
 Не строже наблюдаешь онъ.
 Его душа любви не просишь ;
 Какъ испуканъ онъ переносишь
 Насмѣшки , ненависть , укоръ ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнье , просьбы робкѣй взоръ ,
 И тихій вздохъ , и ропотъ шомной.
 Ему извѣстна женскѣй правъ ;
 Онъ испыталъ , сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ :
 Взоръ нѣжный , слезъ упрѣкъ нѣмой

Не власны надъ его душой,
Онъ имъ уже не вѣришь болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идушь плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льюшься волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы:
Забавъ ихъ спорожь неоплучный
Онъ шущъ ; онъ видишь , равнодушный ,
Прелестницъ обнаженный рой ;
Онъ по Гарему въ пѣмѣ ночной
Неслышными шагами бродишь ;
Сшупая шихо по коврамъ ,
Къ послушнымъ крадешся дверямъ ,
Ошь ложа къ ложу переходишь ;
Въ забашѣ вѣчной Ханскихъ жёнъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ ,

Ночной подслушиваетъ лепешь ;
 Дыханье , вздохъ , малѣйшій шрепешь—
 Все жадно примѣчаетъ онъ ;
 И горе шой , чей шопошь сонной
 Чужое имя призываль ,
 Или подругѣ благосклонной
 Порочны мысли доверять !

Чшожь полонъ грусти умъ Гирея ?
 Чубукъ въ рукахъ его пошухъ ;
 Недвижимъ , и дохнушь не смѣя ,
 У двери знака ждешъ эвнухъ .
 Вспаешъ задумчивый власнишель ;
 Предъ нимъ дверь наспижь . Молча , онъ
 Идешъ въ завѣшную обишель
 Еще недавно-милыхъ жень .

Безопасно ожидая Хана ,
 Вокругъ игриваго фоншана

На шелковыхъ коврахъ онѣ
 Толпою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣшской радостью глядѣли,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно иныя
 Роняли серги золотыя.
 Кругомъ невольницы межъ шѣмъ
 Шербешъ носили ароматной
 И пѣсню звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь Гаремъ:

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1

« Даруешь Небо человѣку
 Замяну слезъ и часныхъ бѣдъ :
 Блаженъ Факиръ , узрѣвшій Меку
 На старости печальныхъ лѣтъ .

« Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смерщью освящиль :
Къ нему на встрѣчу дѣва Рая
Съ улыбкой спрасной полевиль .

« Но тощъ блаженнѣй , о Зарема !
Кто миръ и нѣгу возлюбиль ,
Какъ розу, въ шипиль Гарема
Делѣшь , милая, тебля . »

Онѣ поюшь ; но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви , краса Гарема ? —
Увы ! печальна и блѣдна,
Похваль не слушаешь она .

Какъ пальма, смятая грозою,
 Поникла юной головою ;
 Ни что , ни что не мило ей :
 Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ! . . . . но кто съ тобою,
 Грузинка , равень красою ?
 Вокругъ лилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила ;
 Твои плѣнительныя очи
 Яснѣ дня , чернѣ ночи ;
 Чей голосъ выразишь сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній ?
 Чей страстный поцѣлуй живѣй
 Твоихъ пронзительныхъ лобзаній ?
 Какъ сердце , полное собой ,
 Забьется для красоты чужой ?
 Но равнодушный и жестокой,

Гирей презрѣль свои красы
 И ночи хладные часы
 Проводишь мрачный, одинокой
 Съ шѣхъ поръ, какъ Польская Княжна
 Въ его Гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса чужія ;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ спранѣ родной.
 Съдой ошець гордился ею,
 И звалъ опрадою своею.
 Для шарика была законъ
 Ея младенческая воля.
 Одну забашу вѣдалъ онъ :
 Чшобъ дочери любимой доля
 Была, какъ вешній день, ясна ;
 Чшобъ и минушныя печали

Ея души не помрачили ;
Чтобъ даже за мужемъ она
Вспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время , дни забавъ ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло : тихій нравъ ,
Движенья стройныя , живыя
И очи темно-голубыя.
Природы милыя дары
Она искусствомъ украшала ;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла ;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ спряданьи шайномъ изнывали.
Но въ шипинѣ души своей
Она любви еще не знала

И независимой досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давноль? и чтоже! шьмы Ташарь
 На Польшу хмынули рѣкою.
 Не съ споль ужасной быспрошою
 По жашвѣ спелешся пожарь.
 Обезображенный войною,
 Цвѣшущій край оспрошѣль;
 Изчезли мирныя забавы,
 Уныли селы и дубравы
 И пышный замокъ опустѣль.
 Тиха Маринна свѣшлица. . . . .
 Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
 Почіюшь мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ
 Воздвиглась новая гробница. . . . .

Опець въ могилѣ , дочь въ плѣну ,
 Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править ,
 И птягосшнымъ ярмомъ безславишь
 Опусшоенную спрану.

Увы ! дворець Бахчисарая
 Скрываешь юную Княжну.
 Въ неволѣ тихой увядая ,
 Марія плачешь и грустишь.
 Гирей несчастную щадить :
 Ея уныиье , слёзы , стоны
 Тревожатъ Хана крашкѣй сонъ,
 И для нее смягчаешь онъ
 Гарема спрогѣ законы.
 Угрюмый спорожь Ханскихъ жѣнь
 Ни днемъ , ни ночью къ ней не входишь ;
 Рукой заботливой не онъ
 На ложе сна ее возводишь,

Не смѣешь успремнись къ ней
Обидный взоръ его очей ;
Она въ купальнѣ пошасенной
Одна съ невольницей своей ;
Самъ Ханъ боишся дѣвы плѣнной
Печальной возмущашъ покой ;
Гарема въ дальнемъ ошдѣленнѣ
Позволено ей жить одной ,
И мнѣшся, въ томъ уединеннѣ
Сокрылся нѣкто не земной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой ,
Души шоскующей ошрада ;
Тамъ упованье въ шисинѣ
Съ смиренной Вѣрой обшасашъ ,
И сердцу все напоминаашъ
О близкой , лучшей сторонѣ ;
Тамъ дѣва слѣзы проливаашъ

Вдали зависливыхъ подругъ ;
 И между шѣмъ какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ упоаешь,
 Свяшнюю строгую скрываешь
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблуждений,
 Среди порочныхъ упоеній
 Хранишь одинъ свяшой залогъ,
 Одно божественное чувство. . . .

— . — . — . — .
 — . — . — . — .

Насшала ночь ; покрылись шѣнью
 Тавриды сладосшной поля ;
 Вдали, подъ шихой лавровъ сѣнью
 Я слышу пѣнье соловья ;
 За хоромъ звѣздъ луна возходитъ ;

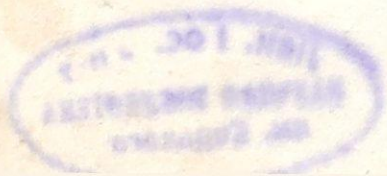
Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье помное наводишь.
 Покрышы бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Проспыхъ Ташарь спѣшаютъ супруги
 Дѣлншь вечерніе досуги.
 Дворецъ ушихъ ; уснулъ Гаремъ,
 Объямый нѣгой безмяшежной ;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Спражь надежной
 Дозоромъ обошеть эвнухъ.
 Теперь онъ спншь ; но спражь прилежной
 Тревожишь въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнь всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму.

16505.

То чей-то шорохъ , то шептанье ,
 То крики чудятся ему ;
 Обманушый невѣрнымъ слухомъ
 Онъ пробуждается , дрожишь ,
 Науганнымъ приникнувъ ухомъ . . . .
 Но все кругомъ его молчишь ;
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной пемницы бьютъ ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловьи поютъ ;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлешь
 И снова сонъ его объемлешь .

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго Востока ! .
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожашелей Пророка !
 Какая нѣга въ ихъ домахъ ,

Въ очаровательныхъ садахъ ,
 Въ пиши Гаремовъ безопасныхъ ,
 Гдѣ подѣ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и шишины
 И вдохновеній сладострасныхъ !

— . — . — . — .
 Всѣ жены спятъ. Не спишь одна.
 Едва дыша, всшаешь она ;
 Идешь ; рукою порошковой
 Открыла дверь ; во тьмѣ ночной
 Спускаешь легкою ногой. . . . .
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежишь эвнухъ сѣдой.
 Ахъ ! сердце въ немъ неумолимо ;
 Обманчивъ сна его покой ! . . . . .
 Какъ духъ , она промчалась мимо.

Предъ нею дверь : съ недоумьнемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка. . . . .
 Вошла , взираешь съ изумленьемъ. . . . .
 И пайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный ,
 Кивошь печалью озаренный ,
 Пречистой Дѣвы крошкѣй ликъ
 И Крестъ , любви символъ священный ,
 Грузинка ! все въ душѣ швоей
 Родное что-то пробудило ,
 Все звуками забышыхъ дней
 Невняшно вдругъ заговорило.—
 Предъ ней покоилась Княжна
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланишы оживлялись ,
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ ,
 Улыбкой шомной озарялись :

Такъ озаряешь лунный свѣтъ
 Дождемъ ошягощенный цвѣтъ.
 Спорхнувшій съ неба сынъ Эдема,
 Казалось, Ангель почиваль,
 И сонный, слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ Гарема.
 Увы, Зарема, что съ тобою?
 Спѣснилась грудь ея шоской,
 Невольно клоняшся колѣни,
 И молишь: „сжался надо мной,
 Не опшвергай моихъ моленій „... ..
 Ея слова, движенье, спонь
 Прервали дѣвы шихій сонъ;
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зришь;
 Въ смяшени, шрепешной рукою
 Ее подьемля, говоришь:
 „Клю шы?... одна, порой ночью —

За чѣмъ ты здѣсь? « — Я шла къ тебѣ ,
 Спаси меня ; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась . . . .
 Я долго счастьемъ наслаждалась ,
 Была безпечнѣй день оъ дня . . . .
 И шѣнь блаженства миновалась ;
 Я гибну . Выслушай меня .

Родилась я не здѣсь , далеко ,
 Далеко . . . . но минувшихъ дней
 Предмешы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко .
 Я помню горы въ небесахъ ,
 Попоки жаркіе въ горахъ ,
 Непроходимыя дубравы ,
 Другой законъ , другіе нравы ;
 Но почему , какой судьбой
 Я край оставила родной ,

Не знаю ; помню только море
 И человека въ вышинѣ
 Надъ парусами. . . . .

Спрахъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ ;
 Я въ безмянежной пишинѣ
 Въ шѣни Гарема разцвѣшала ,
 И первыхъ опышовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья шайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги
 Войну кровавую презрѣль ,
 Пресѣкъ ужасные набѣги
 И свой Гаремъ опяшь узрѣль.
 Предъ Хана въ смушномъ ожиданьи
 Предшали мы. Онъ свѣшлый взоръ
 Остановиль на мнѣ въ молчаньи ,
 Позваль меня. . . . . и съ эшихъ поръ

Мы въ непрерывномъ упоеньи
Дышали счастьемъ , и ни разъ
Ни клевета , ни подозрѣнье ,
Ни злобной ревности мученье ,
Ни скука не смущала насъ.

Марія ! ты предъ нимъ явилась . . . . .

Увы ! съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась.

Гирей , измѣною дыша ,
Моихъ не слушаешь укоровъ ,
Ему докучень сердца спонь ;

Ни прежнихъ чувствъ , ни разговоръ
Со мною не находишь онъ.

Ты преступленью не причастна ;

Я знаю : не твоя вина . . . . .

И шакъ послушай : я прекрасна ,
Во всемъ Гаремъ ты одна
Моглабъ еще миѣ быть опасна ;

Но я для страсти рождена ,
 Но ты любишь , какъ я , не можешь ;
 За чѣмъ же холодной красой
 Ты сердце слабое превозишь ?
 Ославь Гирея мнѣ ; онъ мой :
 На мнѣ горяшь его лобзанья ,
 Онъ кляшвы спрашныя мнѣ далъ ,
 Давно всѣ думы , всѣ желанья
 Гирей съ моими сочешалъ ;
 Меня убьешь его измѣна . . . . .
 Я плачу ; видишь , я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой ,
 Молю , винишь себя не смѣя ,
 Ошдай мнѣ радость и покой ,
 Ошдай мнѣ прежняго Гирей . . . . .
 Не возражай мнѣ ничего ;
 Онъ мой ! онъ ослѣпленъ побою .
 Презрѣнъемъ , прозьбами , шоскою ,

Чѣмъ хочешь , ошвраши его ;
 Клянись . . . . . (хопь я для Ал-Корана ,
 Между невольницами Хана ,
 Забыла вѣру прежнихъ дней ;
 Но вѣрой матери моей
 Была швоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвратишь Гирею . . . . .
 Но слушай : если я должна
 Тебѣ . . . . . кинжаломъ я владѣю ,
 Я близъ Кавказа рождена . — «

Сказавъ , исчезла вдругъ . За нею
 Не смѣешь слѣдовать Княжна .
 Невинной дѣвѣ непонямень
 Языкъ мучительныхъ спрасшей ,
 Но голосъ ихъ ей смушно вяшень ;
 Онъ спранень , онъ ужасень ей .
 Какія слезы и моленья

Ее спасушь ошь посрамленья ?
Чшо ждешь ее ? уже ли ей
Осташокъ горькихъ юныхъ дней
Провести наложницей презрънной ?
О Боже ! если бы Гирей
Въ ея шемницѣ опдаленной
Забылъ несчастную на вѣкъ ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ !
Съ какою бь радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ !
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли , давно ихъ нѣтъ !
Чшо дѣлашь ей въ пустынь мѣра ?
Ужь ей пора , Марію ждущь
И въ небеса , на лоно мира ,
Родной улыбкою зовущь.

— . — . — . —

Промчались дин ; Маріи нѣшь.
 Мгновенно сирота почила.
 Она давно-желанный свѣтъ ,
 Какъ новый Ангель , озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело ?
 Тоска ль неволи безнадежной ,
 Болѣзнь, или другое зло ? . . . . .
 Кто знаешь ? — Нѣшь Маріи нѣжной !
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ ;
 Его Гирей оцашь оставилъ ;
 Съ толпой Тапартъ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ оцашь направилъ ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный , кровожадный ?
 Но въ сердцѣ Хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный.
 Опъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю , и съ размаха

Недвижимъ оспаешся вдругъ ,
 Глядишь съ безуміемъ вокругъ ,
 Блѣднѣешь , будто полный страха ,
 И что-то шепчешь , и порой
 Горючи слезы льешь рѣкой .

Забытый , преданный презрѣнью
 Гаремъ не зришь его лица ;
 Тамъ , обреченная мученью ,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Спарьютъ жены . Между ними
 Давно Грузинки нѣтъ ; она
 Гарема стражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена .
 Въ ту ночь , какъ умерла Княжна ,
 Свершилось и ея спраданье .
 Какаябъ ни была вина ,
 Ужасно было наказанье ! —

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И селы мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился Ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
Магомешанская луна
(Символь конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись : ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчишь во мраморъ вода
И каплешь хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачешь мать во дни печали

О сынъ , падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ шой спранѣ
 Преданье старины узнали
 И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слѣзь именовали. —

Покинувъ Сѣверъ наконецъ ,
 Пиры на долго забывая,
 Я поѣхалъ Бахчисарая
 Въ забвеньи дремлющій дворець.
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я шамъ , гдѣ бичь народовъ ,
 Ташаринъ буйный прорвалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни утопалъ.
 Еще понынѣ дышешь нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ ;
 Играющъ воды , рдѣющъ розы ,

И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на сѣнахъ.
Я видѣлъ вѣшкія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Ляншарны разбирая чешки,
Вздыхали жены въ пишинѣ.
Я видѣлъ Ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробныя столбы,
Вѣнчанныя мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣшь судьбы
Гласили вняшною молвою.
Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось. . . . но не шѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фоншановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,

Неволью предавался умъ
 Незьяснимому волнению,
 И по дворцу лешучей шѣню
 Мелькала дѣва предо мной! —

— . — . — . — .
 Чью шѣнь, о други, видѣль я,
 Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдоваль меня
 Неопразимый, неизбежный?
 Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша,
 Среди опустѣлаго Гарема?

Я помню споль же милый взглядъ
 И красону еще земную;

— . — . — . — .
 — . — .

Поклонникъ Музъ , поклонникъ мира ,
Забывъ и славу и любовь ,
О! скоро васъ увижу вновь
Брега веселые Салгира!
Приду на склонь приморскихъ горъ ,
Воспоминаній шайныхъ полный ,
И вновь Таврическія волны
Обраднуюшъ мой жадный взоръ.
Волшебный край ! очей отрада !
Все живо шамъ : холмы , лѣса :
Янтарь и яхоншь винограда ,
Долинъ пріюшная краса ,
И спруй и шополей прохлада.
Все чувство пушника манишь ,
Когда въ часъ ушра безмяшежной ,
Въ горахъ , дорогою прибрежной ,
Привычный конь его бѣжишь ,
И зеленѣющая влага .

Предъ нимъ и блещеть и шумишь
Вокругъ ушесовъ Аю-дага. . . .

Желая познакомить читателей, не бывавших въ Тавридѣ, со сценою повѣспованія Поэта нашего, предлагаемъ имъ здѣсь выписку изъ любопытнаго и занимательнаго Путешествія по Тавридѣ, недавно изданнаго Н. М. Муравьевымъ-Апостоломъ.

»Вчера въ вечеру подѣхавъ къ Бакчи-сараю и спустившись въ ущелину, въ копорой онъ лежишь, я засвѣпло успѣлъ полько проѣхавъ длинную улицу, ведущую къ Хан-сараю (ш. е. къ Ханскому Дворцу) на воспочномъ концѣ города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжавъ по перемамъ и дворамъ Таврической *Аламбры*; и чѣмъ менѣе видимы спановилися предмѣшны, шѣмъ живѣе дѣлалася игра воображенія моего, наполнившася радужными цвѣтами воспочной поэзїи.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ какъ должно опъ виѣ-

шнихъ воропъ, въ копорыя проѣздъ съ улицы, по мосту чрезъ узкую *Грязную рѣчку*, Сурукъ-су. Прошедъ въ воропа, пы на первомъ дворѣ; на проспранномъ Паралелограмѣ, коего, прошивуположный входу, малый бокъ, граничишь съ садовыми терасами; оба же большіе, заняпы на лѣвой споронѣ Мечешью и службами; а съ правой, дворцемъ состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой споронѣ, чрезъ воропа подъ спроеніемъ находящіяся, пы проходишь во внушрениій дворъ, гдѣ пошь часть на лѣвой рукѣ, предспавляющя шебѣ желѣзныя двери, песпро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Опшпоманской луны.

Переспунивъ за порогъ, пы въ про-

странныхъ сѣняхъ , на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо ведущее на верхніе палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана , безпрестанно ллющіе воду изъ сѣбны въ бѣлыя мраморныя чаши : одинъ насупротивъ дверей ; другой поплѣчь на лѣво.

Дабы не оставишь ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ , замѣтимъ широкій корридоръ отъ лѣваго угла , проптивуположной входу сѣбны , ведущей прямо въ домовую Ханскую божницу , надъ дверью коей начертано :

Селамидь-Гирей Ханъ , сынъ Гаджи-Селимъ Гирея Хана *.

* Селамидь владѣлъ ошъ 1587 по 1610.

Другая дверь того же корридора на лѣво, даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣны, до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водомешпомъ. Это убѣжище прелеспно прохлагою въ знойные часы, когда раскаляюща опъ жару окружающія Бакчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ Ханскій Диванъ, и. е. въ комнату, гдѣ собирался Государственный Совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, съ наружи опъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, различующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ а городками, по первое должно замѣтить, что главные залы освѣще-

ны съ прехъ споронъ; ш. е. всѣ изъ фасады выпсупающія оныхъ спѣны, всплошь окончатныя. Другаго входа въ залу нѣтъ кромѣ одной двери боковой, не примѣтной между пиласпрами Аравскаго вкусу, между коими и шкафы, пакъ же не примѣтные, находящяся по всей шемной эпои спѣнѣ. Надъ оными (въ лучшихъ залахъ) спекла съ нупри и съ наружи покоя, до пополка, между коими споятъ украшенія лѣпной работы, какъ по чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревцы съ чучелами разныхъ пниць. Пополки пакъ же какъ и шемная спѣна спюлярной работы и весьма красивы: эпо поненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунѣ, гуспаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомыя мнѣ въ Испаніи *Эстеры* ш. е. рогожки весьма

искусно сплетенныя изъ проснника ,
 родъ *гениста* и употребляемыя вмѣ-
 сто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или
 каменныхъ. Для защиты отъ яркости
 лучей въ комнаѣ съ прехъ споронъ
 освѣщенной , кромѣ ставней служащъ
 еще и цвѣтныя , узорчатыя стекла въ
 окнахъ , любимое рыцарскихъ замковъ
 украшеніе , безъ сомнѣнія занятое Ев-
 ропейцами отъ восточныхъ народовъ ,
 во время крестовыхъ походовъ. Если
 въ заключеніе сего общаго описанія ты
 представишь себѣ диванъ , ш. е. по-
 душки , иѣкогда изъ шелковыхъ тка-
 ней , на полу лежащія вокругъ всѣхъ
 спѣвъ , исключая темной , ты будешь
 имѣть понятіе о лучшихъ залахъ двор-
 ца , кромѣ прехъ или чепырехъ , пере-
 дѣланныхъ для Императрицы Екате-
 рины II. , въ Европейскомъ вкусѣ , съ

высокими диванами, съ креслами и споллами. Сія послѣдняя упварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ спранахъ гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто споловъ упопреляющъ низкія круглыя скамьи, на копорыя спавящъ подносы и ѣдящъ на нихъ сядя, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаешься можешь, что въ споронѣ опъ сего спроенія находился гаремъ, не приспунный для всѣхъ, кромѣ Хана, и для него одного имѣющій сообщеніе чрезъ корридоръ съ Дворцемъ. Эпа часпъ болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разныя домики, въ коихъ нѣкогда жершвы любви, или лучше сказашъ любоспраспія, помилися въ неволѣ, предспавляющъ шеперь печальную карпину разрушенія : обвалившіеся

пополки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что в помя пользы, когда поже время рокомъ узницамъ опредѣленное, прошекло для нихъ безопрядно, вь рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому власпелину! — На краю сего Гарема, споипь на большомъ дворѣ, высокая шеспиугольная бесѣдка, съ решепками вмѣсно оконь, изь кошорой, какъ сказываюпшь, Ханскія жены, не видимыя сморѣли на игры, вьѣзды Пословъ и другія позорища. Иные говоряпшь, что будно бы шупь Хань любовался фазанами и показываль ихъ любимицамъ своимъ. Эпо послѣднее попому шолько вьрояпно, что пѣшухъ съ семейспвомъ своимъ, еспь единспвенная карпина, кошорую супругъ-Мусульмань можешь предспав-

ляпъ невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. — Между сею полу-согнившею бесѣдкою и комнапою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, естъ прекрасный цвѣпничекъ, гдѣ миршъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Ташарскому Анакреону.

Но пора оставишь сіи грудь пѣснящіе памяпники невольничества и выйди подышай на чистомъ воздухѣ. Вопъ насупротивъ большихъ воропъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, перасы въ чешыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на решепкахъ и прозрачныя испочники, съ уступа на другой ліющіеся въ каменные бассейны. Можеть бытъ нѣкогда Мурзы-Царедворцы, уподобляя Гиреевъ съ владыками Вавилона, срав-

нивали и перасы ихъ съ висящими садами Семирамисы : но теперь Крымское чудо сіе представляесть видъ опустѣнія , такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценнѣйшаго здѣсь сокровища , воды : многія трубы уже засорились , а нѣкопорые испочники и совсѣмъ исчезли.

За Мечетью , виѣ двора , кладбище Хаковъ и Султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми , мраморными гробницами , осѣненными высокими тополями , орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и опець его , основатель могуществва Царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде нежели оставимъ сію юдолю сна непробуднаго , я укажу тебѣ ошь

сюда на холмъ , въ лѣво отъ верхней садовой перасы, на коемъ стоить красивое зданіе съ круглымъ куполомъ : это мавзолей прекрасной Грузинки , жены Хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестней своихъ , она повелѣвала тому , кому все здѣсь повиновалось; но не долго : увяль райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей , и безопраднѣй Керимъ соорудилъ любезной памятникъ сей , дабы ежедневно входилъ въ оный и унѣшавъ слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы , но нѣтъ уже болѣе входа къ нему ; дверь наглухо заложена. Странно очень , что всѣ здѣшніе жипели непременно хопятъ , что бы эта красавица была не Грузинка а Полячка , именно какая-то Попоцкая , будто бы похищенная Ке-

римь-Гиреемь. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣеть ни какого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Тапарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои оспались бесполезными: они споясь въ одномъ: Красавица была Пошочкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Пошочкихъ.»

Стран. 3.

Гяуру сердце отдала.

Тъ ошибаюся, которые пишушь *Джяурь*.

Стран. 20.

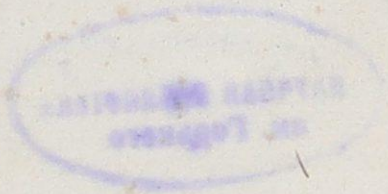
Кивошь печалью озаренный.

должно гитать :

Кивошь печально озаренный.

1917

СПБГУ

Увидите кто разе

Не будете помнить меня,

Мои доселе не позабыть

Всех своих и само себя.

С. М. и. о. в.

Миром. Это гласе ману
Семь, как не подтепугу
Семь и ману ману
А: La se sur

200
[P]

СПБГУ

